

РАБ РИТМА

Вера Чугуевская

Вера Ивановна Чугуевская

Раб Ритма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42628556

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-99251-1

Аннотация

Зависимость – порок, которому подвержен любой человек. Кто-то не может расстаться с сигаретами, а кто-то подсел на наркотики, но есть другие... Они живут мелодией. Они дышат нотами. Их шаги отбивают ритм. Ритм – жизнь. Жизнь – ритм. Не будет ритма – наступит смерть...

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вера Чугуевская

Раб Ритма

Посвящается человеку, который смог зажечь в сердцах миллионов людей огонь. Тому, кто горит ярче всех звёзд на небосклоне, даря настоящее тепло и радость.

«Я раб ритма. Я как палитра. Я танцую так, как чувствую в эту секунду. Если ты начинаешь размышлять, то всё, ты – труп. Выступить – это не про разум, это про чувства» (Майкл Джексон).

Первая часть

Глава 1

Джаз-клуб «Голландец» сиял зазывающими огнями. Яркая вывеска кокетливо подмигивала, а изнутри доносились звуки уникальной музыки. Уставшие от тяжёлого труда и плохих условий работы люди, проходя рядом с этим местом, освобождались от оков, мешающих дышать. Они застывали на несколько секунд, облегчённо вдыхая музыку свободы – джаз. Затем вновь направлялись по своим делам или же шли прямо сюда, забыв обо всём на свете.

Клуб представлял собой уютное местечко, расположенное в чёрных трущобах города. По вечерам в будни или в выходные «Голландец» наполнялся простыми людьми, которые искали приют для своих истерзанных душ. Аккуратные столики, обычные стулья, скромные аксессуары, барная стойка со стеллажом больших бутылок алкоголя – всё это дополняли приглушённое освещение и кокетливые улыбки официанток. Контингент состоял в основном из мужчин, которые жадными взглядами пожирали стройные ноги и пышные бёдра девушек-разносчиц дешёвой выпивки. Разговоры проходили под курение сигарет, зачастую вспыхивали жаркие споры, переходящие в потасовки. На такие случаи хозя-

ин заведения держал охрану, а сам никогда не разлучался со своим стареньким охотничьим ружьём.

Туман сигаретного дыма, громкая ругань и резкие запахи пота, алкоголя и дешёвого одеколona было не единственным, что привлекало сюда народ. Вольный мотив музыки раскрепощал людей. Она выступала лекарством, которое принимали «смертельно больные» и обречённые на страдания люди. Рвались цепи, рассыпались в прах преграды – становилось легче дышать, глаза открывались шире, расправлялись плечи. В душе звучала мелодия свободы. Здешнюю публику можно обобщить и назвать «кастой», которая не изменяла своему стилю и не могла прожить и дня без этой «забегаловки», куда благосостоятельный человек не сунет и носа.

В клубе «Голландец» всегда звучала живая музыка – любой желающий мог выйти на сцену и спеть. Сцена представляла собой примитивные подмости, где стоял потрёпанный жизнью рояль, дряхлые барабаны да пара гитар с «расшатанной психикой». Здесь начинали джазмены, чьи имена вошли в историю. И сегодня те, кто смог покорить публику «Голландца», с замиранием сердца уповают на более престижные награды, чем бесплатная выпивка и скромные гонорары, которых едва могло хватить на скудный ужин для большой семьи.

Всех музыкантов публика воспринимала по-разному: над некоторыми подшучивали, выкрикивали фразочки «Ты хоть знаешь, с какой стороны подходить к гитаре?!», «Гляньте,

как нежно и робко её держит, словно девушку!» – это сопровождалось вульгарно громким хохотом с похрюкиванием. Были и те музыканты, кому все стремились подать руку, почтительно снимали головные уборы, уступали лучшие места – в знак большого уважения.

Как и в любом музыкальном заведении, здесь имелся свой конферансье. Это был толстый, а потому и довольный своей сытостью, вальяжно выходивший на сцену маленькими шагами человек с негаснущей улыбкой. Его лощёный вид придавал особый шарм, а широкая улыбка, обнажающая крупные зубы, делалась ярче за счёт шоколадной кожи. Пробуя на вкус каждое слово, он громко и ярко представил артистов:

– Дамы и господа, прошу любить и жаловать – «ДиДи-Файф»! – Он прищёлкнул толстой пятернёй под звуки саксофона, спустившись вниз, давая выйти на сцену артистам.

На сцене оказалось пятеро юнцов – старшему певцу, наверное, не было и 18 лет. Они пришли сюда со своими инструментами – ведь каждый уважающий себя музыкант должен иметь свой инструмент и сливаться с ним в одно целое.

Один юнец уже начал отбивать ритм на литаврах, которые заполнили зал чётким подвижным звуком. Толпа одобрительно начала притоптывать в такт. Второй подхватил инициативу – его пальцы заскользили по клавишам – он будто бы играл классику наоборот, переделывая на свой лад давно знакомые произведения Баха, Моцарта и других. Это была чистая импровизация. Здесь же вступили сразу двое: звуки

тромбона и банджо дополнили мелодию – зал уже пританцовывал, наполняя мелодией каждую клеточку своего тела. Саксофон вступил последним – мощный звук жил будто бы отдельно от остальных, но при этом оставался единым целым со своими братьями. На всей пятёрке красовались яркие костюмы, усыпанные блёстками, пайетками, стразами. Уверенная манера исполнения, их вальяжные улыбки, движения и притопывания говорили о том, что они знают, как правильно себя вести, чтобы оказаться на высоте.

Зрители выкрикивали одобрительные возгласы, сложив две ладони вместе и приставив их к губам, чтобы их услышали:

– Давай ещё! – требовали они, а маленький саксофонист в угоду им весело подмигивал, продолжая окрашивать мелодию новыми тонами.

Незнающий зритель, побывав здесь впервые, задавался вопросом, адресуя его тому, кто точно знает здесь всё, – бармену.

– Кто эти ребята? – облокотившись о стойку, спросил он.

Бармен, не отрываясь от протирки стакана белоснежной салфеткой, ответил:

– Это парни Джакомбо Джонсона. Старый негодяй выдавливают из них все соки, чтобы заполучить своё. – Он легонько кивнул в сторону кулис, где виднелась высокая чёрная тень человека, о котором шла речь.

– Наверное, они неплохо получают, – ухмыльнулся незна-

комец, придвигая к себе стакан с пивом, — особенно тот юркий паренек, — он кивнул в сторону саксофониста. — Никогда не слышал такого звучания саксофона!

— Ха! Если бы! — бармен покачал головой. — Этот старый пёс настолько скуп и жесток, что его дети никогда не познают, что такое счастье, загнувшись в юности... Помяни моё слово!

Мальчики продолжали своё выступление, развлекая публику до поздней ночи без отдыха и даже маленькой передышки. На их юных лицах, покрытых потом, не гасли улыбки, а глаза уже научились скрывать огромную грусть и печаль, чтобы не испортить настроение своих слушателей.

Жизнь чёрных трущоб города имела свою особую, завораживающую и ужасающую реальность, где росло недовольство и процветала преступность (в основном грабежи, хулиганство и наркотики). Здесь были свои отдельные школы и больницы, даже магазины, где цены заставляли падать в обмороки или покупать то, что уже практически испортилось. Впрочем, детям не было дело до цен или трудностей с работой: они находились в счастливом мире под названием «детство», где нет забот и проблем.

Ребятня гоняла мяч, устраивала гонки на велосипедах и прочее. Дети Джонсонов отличались своей обособленностью от остальных: их было не дозваться ни для игры, ни для мальчишечьих шалостей. Это сделало из них изгоев, но всё

же некоторые из соседских мальчишек не унимались, зазывая их с собой:

– Хей, Джимми, пошли с нами.

Джимми Джонсон встретился с ними лицом к лицу, когда возвращался из «Голландца», где только что ему отсчитали неплохой гонорар за выступление. Его сердце ёкнуло – так всегда бывало, когда его звали погулять, но тут же вспомнив, что ему нельзя, мальчик вздохнул:

– Нет, спасибо.

Он виновато улыбнулся, держа за руку маленькую Виви, которая с любопытством рассматривала тележку с мороженым. Малышка четырёх лет с мольбой взглянула на брата:

– Джимми, я хочу мороженое. – Её голос был полон грусти, а большие глаза стали ещё больше в немой мольбе.

У Джимми рука сама потянулась в карман, где лежали деньги. Не задумываясь, он купил сестре желанный десерт. «Виви так давно не баловали сладким – ведь ничего страшного не случится, если купить ей его», – рассуждал мальчик, наблюдая с улыбкой, как девочка расправляется с обёрткой и принимается за само мороженое.

Измазав щёчки в шоколаде, она счастливо улыбалась, а её большие чёрные глаза сияли счастьем.

– Я тебя люблю, Джимми!

В этот момент мальчика переполняла радость. Он счастливо улыбался всем встречным, хихикая вместе с Виви. Они забыли о времени и даже завернули на несколько минут в

парк, где вместе насобирали цветы для букета:

– Подарим их маме! – решили вместе дети.

Однако добравшись до дома, с их лиц тут же пропали улыбки. У ободранной калитки стоял отец, сдвинув брови.

– Где вы были? – зло процедил он, схватив за шкурки детей. Виви ойкнула, а Джимми промолчал. – Где деньги? – Джимми дрожащей рукой протянул гонорар. Отец, пересчитав деньги, с яростью схватил Джимми за ухо. – Ты что, щенок, решил меня обокрасть?!

Тонкая розга врезалась в худую детскую спину. Непроизвольный крик вырвался наружу, отчего сидящие на чучеле вороны разлетелись от испуга кто куда.

– Молчи! Переноси боль так, чтобы другие не замечали твоих мук! – металлический голос мужчины мог вызвать дрожь у любого создания. Его неопрятные руки со вздутыми венами и грубыми от мозолей пальцами уверенно сжимали розги. Без единой эмоции он занёс руку для следующего удара.

Детское тело напряглось. В момент удара пальцы сжались в кулаки, а чёрные глаза засверкали от подступивших слёз. Худощавый, тонкий как стебелёк молодого деревца, Джимми закусил губу что есть силы. Его лицо было повёрнуто к лесу, который брал своё начало за их двором. Мальчик чувствовал на себе взгляд жестоких глаз. Он знал, что все остальные – Джереми, Джонни, Джеки, Джорджи, даже ма-

ленькая Виви смотрят на него. Это было обязательным условием воспитательного процесса: все должны смотреть и получать урок вместе с ним.

– Не горбись! Принимай то, что заслужил, с расправленными плечами!

Отсутствие примеси каких-либо эмоций в голосе и на лице мужчины давало понять, что внутри него давно живёт пустота. Отсчитывая новые порции розг, он неустанно повторял:

– Не гни спины, подними голову, не смей кричать, – а за каждый нечаянный всхлип или увиденную слезу прибавлял пару ударов.

– Всё, ты можешь идти. И запомни: воровство – это преступление. Я горбачусь не для того, чтобы ты всё испортил. Ты меня понял? Отвечай!

Он замахнулся вновь, но остановился, когда мальчик чётким спокойным голосом произнёс:

– Да, сэр.

Мужчина, сплюнув, опустил розги в корыто, наполненное водой. Он поправил немного съехавшую шляпу, опустил рукава клетчатой рубахи и вошёл в дом как ни в чём ни бывало, что-то мурлыча себе под нос.

Мальчик поднял лежавшую на земле футболку. Его спина горела от боли. В глазах стояли слёзы, дрожащие пальцы бережно расправляли складки на шортах. Он смотрел в густую чащу леса – ему хотелось броситься туда со всех ног. Жить

в лесу, играть со зверьками, питаться ягодами.

Его кто-то тихонько потянул за рукав. Обернувшись, он увидел перед собой Виви. Одной рукой она обнимала засаленного, с оторванным носом игрушечного мишку, другая несмело цеплялась за мальчика. В широко распахнутых глазах девочки застыл ужас. Малышка не понимала, что произошло, но будто бы чувствовала всю боль Джимми.

По пухлой щёчке скатилась слезинка. Мальчик присел на корточки, обняв девочку двумя руками, прижал её к себе. От неё пахло детством, чего ему было не дано испытать в этой жизни.

Девочка доверчиво прильнула к брату, её слёзы оставляли мокрые следы на футболке. Нежно поглаживая крохотную спину, мальчик прошептал:

– Не надо, Виви, не плачь! Мне не больно. Пойдём в дом.

Он поднял девочку на руки и стал её кружить, пританцовывая. Потом Джимми поставил её на землю и, взяв плюшевого медведя, произнёс переделанным голосом:

– Я весёлый танцующий медведь, а, если надо, могу и спеть! – Он начал двигать лапками и хвостиком, что позабавило девочку – она рассмеялась.

Джимми провёл ладонью по её кудрявой голове:

– Вот так вот, пойдём, поможем маме!

Джакомбо Джонсон, зайдя в дом, тут же наткнулся на свою жену. Смерив её взглядом будто вечно мешающую вещь, которую давно пора выбросить, он прорычал, пресе-

кая любое возражение:

– Это был урок. Если не учить, вырастут слюнтяями. Не смей жалеть их. – Эти слова оборвались на полуслове, когда в комнату вошли дети.

Маленькая, чуть полноватая женщина с вечно грустными глазами хотела было что-то возразить, но не стала этого делать при детях.

Тереза Джонсон была глубоко несчастной в браке. Её муж стал деспотичным тираном, а когда-то носил её на руках, посвящая ей песни. Несчастливая жена, но счастливая любящая мать, она старалась окружить детей заботой и уютом.

Обстановка дома Джонсонов была небогатой – старая мебель, обои, прохудившаяся крыша и скромные обеды. Однако связанные ажурные салфетки, букеты луговых цветов, бережный ремонт своими руками делали дом уютным.

Всем этим занималась миссис Джонсон. Она также вела хозяйство на заднем дворе. Её муж трудился на заводе, а после занимался развитием сыновей. Делал это с исключительной строгостью и жестокостью.

Мальчики всё время были заняты – готовили свои костюмы, чистили инструменты, репетировали. Из гаража, где проходили репетиции, доносились громовые раскаты:

– Танцуй как джазмен, Джимбо! Это тебе не подмостки для дешёвых второсортных певичек! Джереми, ты неправильно держишь ритм, чекань звук! Джонни, что ты скукожился, – покажи мне свой характер! Джаз – это эмоции! Ни-

какого отдыха, пока я не буду доволен вашей игрой! По местам! Живо! Джорджи, играй! Джеки, не смей прятать глаза!

Наступал вечер – мальчики брали в свои руки инструменты и несли их. Джакомбо шёл рядом – он не помогал нести, но жестоко наказывал за нерадивое обращение с ними. Наказывал за порчу костюмов, мог лишить еды на несколько дней.

Мальчики спали от силы пару часов – затем помогали Терезе. Учиться тоже времени не было, не говоря уже о том, чтобы поиграть с соседскими мальчишками или кататься на велосипедах.

Поздней ночью, когда все уже спали, Джимми садился на подоконник, распахивая окно, слушал природу, город, ночь. Он мурчал свою мелодию, закрывая глаза, представлял совсем иную жизнь.

Вот он сидит в парке на зелёной сочной траве, рядом его братья, сестра и мама. Они едят мороженое, пачкают друг друга в шоколадной глазури и дурачатся. Затем он, расправив руки в стороны, мчится с горы на велосипеде – на его лице слой дорожной пыли, а колени разбиты, но он счастлив. В другой мечте он гоняется за мячом, а вот тут они с Виви покупают ей самую большую и красивую куклу. В глазах мальчика застыли слёзы, а губы лишь беззвучно прошептали:

– Где же моё детство?

Глава 2

Джакомбо Джонсон сидел в баре после смены на заводе. Его большие грубые пальцы сжимали стакан с крепким пивом, который никак не мог заглушить эмоции, бурлящие внутри под непроницаемой маской безразличия.

Редкие выходные дни он посвящал продвижению своей группы «ДиДиФайф», но пока что это не дало желаемого результата. Ему отказало уже три студии звукозаписи. Толсто-сумы вроде Грея, Кингсли и Квинса смотрели на него свысока, будто бы Джакомбо Джонсон – простой босьяк с улицы.

Униженный, с уязвлённым самолюбием Джакомбо ругал их недальновидность: «Этим никчёмным музыкантам кажется, что в мальчиках чего-то не хватает. Чёрт бы их подрал – мои парни звучат идеально! В них вложено уже столько сил и денег, что теперь глупо отступать от намеченного курса!»

В его глазах читалось намерение – выжать из сыновей последние соки и добиться своего! Рука всё крепче сжимала стакан. Перед глазами возникло воспоминание из прошлого – слепящий свет фар, удар, острая боль по всему телу, затем тьма.

Вздвогнув, он рывком выпил всё, что было в стакане. После этого с размаха запустил стакан в барную стойку. Он метко попал в одну из самых дорогих бутылок в этом заведении – виски с десятилетней выдержкой, если верить хозяину ба-

ра. Звон бьющегося стекла заглушила музыка, а бутылка, накренившись, уже залила пол своим «внутренним миром».

Ошарашенный бармен сию секунду отбросил белое полотенце, которым протирал стаканы, быстро возникнув прямо перед лицом Джакомбо, гневно жестикулируя:

– Ты заплатишь за неё, или мои парни тебя уделают так, что костей не сосчитаешь, – при каждом слове он тыкал своим указательным пальцем в широкую грудь мужчины, – заплатишь всё, до последнего цента, – эту фразу он проговорил, выговаривая и выделяя каждое слово отдельно.

Бармен – Флинт Кейдж, человек бывалый и опытный в разборках с негодями и мерзавцами, которых в этом заведении было пруд пруди, – точно знал, что делать и говорить в подобных случаях. Его бычья внешность помогала приводить в чувство озверевших пьяниц, поэтому он держался с Джакомбо уверенно, без лишних сантиментов и жалости.

Однако реакция мужчины удивила его: Джакомбо, посмотрев на него будто бы осмысленным взглядом, слегка пошатнулся, на его лице возникла улыбка. Бывают люди, которым не идёт улыбаться, – Джакомбо Джонсон из их числа. Его улыбка скорее пугала, чем располагала к себе: то был звериный оскал. Разведя свои большие руки, будто бы потягиваясь после долгой дремоты, он вдруг схватил бармена за шкуру:

– Да что ты мне можешь сделать, из того что не сделано? – обречённо-сиплым голосом спросил мужчина.

Бармен ощутил резкий запах пива, смешанный с сигаретами, почувствовал, как от Джонсона несло потом, но больше всего его испугали иссиня-чёрные глаза.

Флинт сделал небольшой шаг назад, что было ошибкой. Джонсон воспринял это как досрочную капитуляцию – удовлетворённо приподняв уголок рта, он толкнул бармена своей пятернёй крепких пальцев. Флинт от неожиданности не смог совладать с равновесием и налетел на столик, опрокинув с него пару кружек пива. На лице Джакомбо не дрогнул ни один мускул, а валяющийся у его ног бармен злобно выругался, отряхиваясь от пива и стекла. Лицо Флинта пылало от гнева – скулы налились кровью, а на лбу взбухла пульсирующая вена. Он быстро поднялся на ноги и, вытащив из ладони осколок разбитого бокала, зарычал:

– Грязный мерзкий ублюдок, ты думаешь, я тебя не выставлю вон? – Он бросил в мужчину окровавленный кусок стекла, приблизившись к нему вплотную. – Слишком долго я терпел тебя! Пора научить тебя уважать тех, кто выше такого отброса, так как ты.

Джакомбо зевнул, будто бы только что услышал нечто ужасно скучное и обыденное. В его глазах читалось презрение, а бармен только сильнее взбесился, когда услышал в свой адрес:

– Ты пёс, подбирающий объедки от своих хозяев, ты не можешь быть выше, – несмотря на то, что Джакомбо был пьян, эту фразу проговорил чётким повседневно-железным

тоном.

Посетители бара на тот момент поспешили удалиться, не считая нескольких зевак, которых пришлось выпроваживать охранникам после поданного знака барменом. Охрана сработала профессионально: как только двери бара оказались защёлкнутыми, они набросились на Джакомбо. Завязалась драка, в которой не было понятно, кто кого бьёт. Мощный Джакомбо был не в силах справиться с двумя вышибалами в пьяном состоянии, поэтому в итоге его вывели из бара двое буйволоподобных мужчин. Джонсон чувствовал боль в заломленных за спину руках, которые уже не могли сопротивляться. Охранники грубо спустили мужчину со ступенек, дав напоследок хорошенький пинок, а бармен кинул вслед:

– Чтобы я тебя и твоих выродков больше не видел! – Он победоносно скрестил руки на груди, вернувшись обратно за барную стойку, попутно дав указание напуганным официанткам: – Немедленно наведите здесь порядок!

Джонсон остался валяться на улице, вдыхая дорожную пыль. Злость на Флинта усилилась, когда до него дошёл смысл его слов «Чтобы твоих выродков здесь больше не было». Это означало, что они потеряли ещё одну площадку для своих выступлений.

– Слюнтяй, – произнёс Джакомбо, харкая на землю слюну вперемешку с кровью.

Несколько минут спустя он поднялся на ноги, немного отряхнулся и пошёл своей дорогой. Его качало и бросало

из стороны в сторону, прохожие шарахались от него как от чумы, детям закрывали глаза и прятали за собой. Он этого не замечал.

Выглядел наш герой ужасно. Носом шла кровь, а костяшки пальцев были сбиты до самих костей. Мимо плыли заброшенные дома, трущобные нечистоты, смердела свалка отходов. Здесь как гость из другого мира затесалась пёстрая вывеска с надписью – «Победоносное возвращение звезд!» На нём красовался квартет мужчин в дорогих костюмах, шляпах и очках. На их лицах сияли белоснежные улыбки, они дружески обнимали друг друга за плечи. Джакомбо, щурясь и запутываясь в своих же ногах, подошёл к плакату. Смачный плевок прилетел в лицо одному из них.

– Это тебе за всё, мерзавец! – а затем, обратился к остальным: – И вам, жалкие гиены!

Он стал колотить кулаками по бумажным лицам. Бил, бил, бил – с ненавистью, звериным рычанием, с жадой крови. Его руки онемели от боли, а пальцы, залитые кровью, не слушались. Тогда он издал вопль раненого зверя и спустился вниз к подножию плаката, оставляя на нём кровавые следы царапин. Его лицо, покрытое испариной, исказилось от боли, побелевшие губы еле слышно прошептали:

– Я снова внизу. Я снова у ваших ног.

Чёрные глаза затянулись пеленой слёз.

Он пришёл домой поздней ночью. На веранде поблёски-

вал тусклый свет лампы. Тереза сидела в плетёном кресле, беспокойно вглядываясь в темноту. Сейчас она немного задремала, отложив на время спицы и несколько клубков шерсти: женщина тайком вязала детям подарки на Рождество. При скрипе деревянных ступенек она открыла глаза, чуть щурясь. Её рот в ужасе раскрылся:

– Боже, Джакомбо, что случилось?

Она тотчас подскочила, увидев мужа, клубок шерсти упал на пол, покотившись куда-то в темноту. Джакомбо при виде жены покачнулся, схватившись за перила, удержался и тут же опустился вниз, на ступеньки.

– Они и тебе всё испортили, – прорычал пьяным голосом он, его губы искривились в презрительной улыбке, – уничтожили, мерзавцы... – Он вдруг повернулся лицом к жене, его пальцы коснулись её щеки. – Теса, моя Теса, что с нами стало? – Казалось, на секунду он стал тем самым Джакомбо, с которым она согласилась быть до конца жизни.

Тереза, не замечая пьяные бредни мужа, тут же вытерла кровь цветастым платком, которым обычно протирала стёкла на очках. Через мгновение в её руках с отметинами тяжёлого труда оказались ровно отрезанные повязки и маленькая баночка с неприятно пахнущей субстанцией. Она аккуратно проводила лечебные процедуры в полутьме. Её движения были настолько слаженными, что делалась понятной одна вещь: пьяные истерики мужа были привычным делом для неё. Джакомбо по своему обыкновению стал сопротив-

ляться, чуть не ударив жену рукой:

– Пошла к чёрту со своими пилюлями.

Он еле поднялся на ноги, бормоча под нос что-то неразборчивое, и направился в сторону гаража, где, завалившись на деревянную скамейку, проспал до утра.

Тереза же, аккуратно собрав лекарство, повязки, клубки с шерстью, смахнула рукой несколько слезинок со своей щеки. Зайдя в дом, женщина увидела стоящего перед ней старшего сына – по его мрачному виду она поняла, что он видел своего отца.

– Джереми, ступай спать, – устало произнесла женщина, выключая свет на веранде, – завтра нам всем рано вставать. – Она подошла к мальчику, положив руку на плечо. – Мы все устали...

Мальчик непонимающе смотрел на маму: он искренне недоумевал, почему она терпит, и молчать не стал:

– Мама, как ты можешь это терпеть? Я не понимаю, почему ты не бросишь его, и мы все не уедем из этого проклятого места! – В тёмных глазах мальчика искрилась злость, а его скулы обострились совсем по-взрослому. – Мы тоже страдаем!

– Джереми, ты не понимаешь, о чём говоришь! Ты слишком юн, чтобы понять такие вещи! – в голосе женщине прорезалась строгость, – он твой отец – ты обязан уважать его! Я не стану рушить семью! А теперь ступай спать!

Джереми словно облили ледяной водой – он отшатнулся

от матери, невольно сбросив её руку со своего плеча и, смотря вниз на свою мать, думал, что, быть может, он слишком юн, но видит самое главное. Здесь нет любви.

Утром, когда сонные дети пришли на кухню, то как всегда обнаружили на столе завтрак. Джереми не стал рассказывать ничего младшим братьям – не хотел их расстраивать. Он решил, что у них и так хватает проблем. Мальчики сладко зевали и потягиваясь рассаживались по своим местам. Заспанные лица окрашивались улыбками при виде ароматной каши, посыпанной сахаром. Тереза суетливо расставляла стаканы с молоком. В её облике не было ни намёка на усталость. Она улыбалась своим детям солнечной тёплой улыбкой:

– Завтракайте, дорогие мои, – она подошла к каждому, поцеловав кудрявые головы, обняв за плечи, – а после занятий мы с вами будем заниматься подготовкой к празднику! – её тон был окрашен энтузиазмом, который обычно помогал мальчикам справляться со всеми трудностями.

Завтрак проходил в тишине под металлические звуки ложек, лёгкий звон стаканов и шкворчание на сковороде сосисок, которые Тереза завернёт Джакомбо с собой на работу. Отец утром не удостоил сыновей даже взглядом, не проронил ни одного слова жене. При его появлении на кухне даже маленькая Виви затихла, сжавшись от страха. Мужчина грубым жестом вырвал у жены свой обед и захлопнул за собой дверь. Мальчики выдохнули, перебросившись между собой

парой фраз шёпотом:

– Хоть бы устал сильнее!

– Да, когда устаёт, меньше нас гоняет!

– Я больше не выдержу!

Они говорили тихо, чтобы ничего не услышала Тереза. Она не позволяла им обсуждать отца или нелестно выражаться о его методах воспитания. Все дети должны были его любить, но возникал вопрос: за что?

Пока мальчики ели, Тереза взяла на руки Виви:

– Малышка, нам нужно переодеться, а пока мальчики убе-
рут со стола, – С этими словами женщина удалилась из кух-
ни.

Джерemi поднялся из-за стола, легонько подтолкнув си-
девшего рядом Джонни – тот невольно задремал, пригрев-
шись на солнышке.

– Эй, не спи, – сказал Джер, – мы с тобой моем посуду, а
ты, Джек, – он обратился к крепкому на вид мальчику невы-
сокого роста с широкими плечами, – убираешь со стола. –
Затем он повернулся к самым младшим братьям, – Джим-
ми, Джорджи, с вас порядок в нашей комнате, кое-кто опять
не заправил свою постель. – Джерemi выразительно посмот-
рел на сонного Джонни, который без всякого интереса ело-
зил тряпкой по тарелкам.

Тонкий Джимми с причёской, делающей его голову
неестественно большой, спросил, повернувшись к братьям,
когда уже выходил из кухни:

– Вы же не забыли, что мы ещё должны купить подарок для крошки Ви? – Так, любя, братья называли свою маленькую сестру Виви.

– Конечно, нет, – заявил Джеки, – как только со всем управимся, пойдём за подарком! – он выразительно стукнул рукой со стаканом по столу, отчего тот лопнул – это вызвало весёлый смех мальчишек.

Глава 3

Переделав все дела, мальчики смогли вырваться на пару часов. Тереза не любила отпускать их без разрешения отца, но ей было жалко своих сыновей, которые сидят взаперти. Поэтому сейчас, увидев пять пар умоляющих глаз, сдалась:

– Хорошо, идите, – ласково сказала она, улыбаясь глазам, – только будьте аккуратнее!

Мальчишки, обрадованные свободой, наперегонки выскочили за пределы двора. Джонни и Джереми перепрыгнули небольшой забор на потеху всем остальным. Тереза, любуясь всем этим, лишь покачала головой.

Добравшись до магазина, мальчики решили разделиться. Джереми и Джонни отправились покупать подарок для мамы – шаль. Мальчикам хотелось сделать ей приятное, ведь отец никогда не дарил ей подарки. Даже когда что-то покупал для неё – это считалось великим одолжением.

Джеки, Джорджи и Джимми пошли покупать игрушечного медведя. Деньги Джереми отдал Джеки – как самому старшему из оставшихся.

– Не натворите ничего, не то отец взбесится, – предостерег он братьев, перед тем как разойтись в разные стороны.

В магазине игрушек все трое заворожённо ахнули: как много потрясающих интересных вещей находилось здесь. Джеки буквально прилип к локомотиву, уносящему за собой

пять вагонов, то появляясь, то исчезая в туннелях. Джорджи засмотрелся на роботов и их невообразимое оружие, а Джимми и вовсе затерялся среди стеллажей с игрушками.

Мишку все-таки выбрали. Он оказался прелестным – белоснежный мех, синий бантик. Виви любила этот цвет, а глаза – не простые пуговицы, а как настоящие.

– Она будет счастлива, – подытожил Джимми, улыбаясь большим ртом от уха до уха, – вы только посмотрите на эти глаза!

Братья поддержали его мысль, и Джеки хотел что-то добавить, как вдруг послышался резкий свист и насмешливый голос:

– Что, Джонсон, никак этим расплатились с твоим папашей за ваше жалкое вступление? – Здоровяк с короткой стрижкой в сером бомбере попытался схватить игрушку, но Джимми вовремя увернулся.

Это оказалась банда местных хулиганов, которые любили издеваться над всеми вокруг. Джимми крепче сжал в своих руках плюшевого друга, испугавшись этих ребят.

– Отстань, – Джорджи заслонил брата. Мальчик был выше Джимми и физически крепче, поэтому шансов в такой «беседе» у него было больше. – Идите куда шли. – Брови на мальчишечьем лице нахмурились.

Банда хулиганов загудела.

– Вы посмотрите, какой смелый слизняк, – угрожающе произнёс их главарь, – а ну дай сюда! – Он с силой оттолкнул

Джорджи, который бы упал, если бы его не подхватил Джеки. Хулиган своей большой толстой пятернёй схватил за голову мишку и рывком забрал его у Джимми. – А теперь плачь! Ну! Давай же! – Джимми сжал руки в кулаки. – Гляньте, какой смелый, парни, держите! – Он бросил медведя своим при- спешникам. Те стали перекидывать игрушку друг другу.

– Ну, ну поймай! Давай! – дразнились они, громко хохоча при виде того, как мальчики пытаются до него дотянуться. – Такие же никчёмные! Отец говорит, что ваш папаша готов на всё для вашей записи в студии, а об него ноги вытирают и заставляют лизать ботинки!

От этих слов в Джеки взорвалось терпение – сжав руки в кулаки, мальчик бросился в бой. Ударив одного из хулиганов в челюсть, он удовлетворённо закричал:

– Получи! – Но его тут же обступила вся банда.

Мальчика повалили на пол, избивая ногами. Джеки не кричал, а лишь свернулся в клубок, прикрывая руками лицо и голову.

– Беги за помощью! – крикнул Джорджи Джимми, а сам бросился на защиту Джеки.

Джимми быстро подобрал упавшего медведя и побежал к старшим братьям:

– Скорее! Там убивают Джорджи и Джеки! – не своим голосом закричал он, братья бросились на помощь, но было уже поздно.

Джеки лежал на земле, лишь судорожно подёргивая кон-

чиками пальцев. Джорджи сидел рядом с ним на коленях, опустив голову к лицу Джеки. Глядя брата по голове, Джорджи не замечал, как с его губы течёт кровь, а в области брови ему рассекли кожу. Джеки с трудом сглотнул, с его губ сорвалось едва различимое:

– Слава Богу, подарок для Ви цел. – Затем мальчик закрыл глаза, провалившись в беспамятство.

Джимми трясся от страха – зубы не переставая стучали, а тело сотрясал озноб. Мальчик почувствовал тошноту при виде крови, в глазах стали появляться чёрные пятна, заполняющие всё вокруг. Его обняла крепкая рука Джереми, который как самый старший старался держаться.

– С ним всё будет хорошо, не бойся, – произнёс он, видя, что его брат не скоро избавиться от шока.

Джеки положили в больницу. Это стало настоящим ударом для всей семьи. Мальчики с болью смотрели на побитого брата, который был не в силах даже выдать из себя улыбку. Тереза не сдерживала слез, причитая:

– Как же такое могло случиться! – Её пальцы гладили загипсованную руку сына. – Это я во всём виновата! – Она громко всхлипывала. – Не нужно было вас отпускать!

Виви не пускали к Джеки, хотя девочка рвалась в гости к брату. Она топала ножками и плача просила:

– Но я так скучаю по Джеки! Я хочу к нему! – Но остальные боялись, что сейчас Джеки её только напугает, поэтому

её с собой не брали в больницу.

Джакомбо в эти дни навис над всеми мрачной грозовой тучей. Его лицо стало озлобленным, он ждал разговора с врачом сына, который сможет ответить на интересующие его вопросы. Врач оказался человеком понимающим и выложил Джонсону всё, не щадя его:

– Рука вашего сына сломана в двух местах. Процесс реабилитации очень сложный, – он сделал небольшую паузу, – и дорогостоящий. Возможно, что не все пальцы останутся такими же чувствительными, как прежде. Мне очень жаль, мистер Джонсон. – Их беседа проходила в коридоре больницы.

Чёрный взгляд, способный прожигать дыры в стенах, пылливо буравил врача.

– Он не сможет заниматься музыкой? – спросил мужчина с запинкой, а всегда ровную линию губ пронзила судорога.

Врач смерил его взглядом, подумав про себя, что и его самого не мешало бы проверить, однако поспешил ответить на вопрос:

– Маловероятно. – Он сочувственно положил руку на плечо Джакомбо, – простите, но я всего лишь врач, а не волшебник.

Врач удалился, а Джакомбо ещё несколько минут стоял в коридоре, пытаясь осмыслить новую для себя реальность. Когда он вошёл в палату, то увидел загипсованного сына, рядом с которым сидела Тереза, которая принесла из дома свежий пирог и запеканку. Она нежно гладила травмированную

руку, успокаивая сына:

– Всё наладится, мальчик мой, ты поступил правильно. – Её ласковый тон дополняла нежная улыбка, которая испарилась при появлении мужа, она моментально переключила своё внимание на мужа, – самое главное, что твой сын остался жив!

Джакомбо сделалось тошно от этих слов. Он не смог сдерживать нарастающую ярость внутри себя. Схватив рядом стоявший стул, мужчина разбил его об стену. Его глаза налились ненавистью.

– Этот мерзавец всё испортил! Малолетний слюнтяй нарушил все мои планы! – он кричал так, что, наверное, это слышала вся больница, но ему было всё равно, – это твоих рук дело, это ты хочешь меня уничтожить, – он тыкал пальцами в жену, – ненавижу тебя! Ненавижу твоих ублюдков! Никчёмные, ленивые тряпки! Этот теперь будет сидеть на всём готовом? Не позволю! Пусть убирается из моего дома! Мне нахлебники не нужны! Даже по морде не может дать, – он сплюнул прямо на пол, – теперь лежит тут как на курорте! – Он схватил рукой пирог, продавив его между пальцами, сунул в лицо сыну. – На, жри теперь!

С этими словами он вышел из палаты. Джеки лежал, сотрясаемый приступом от нескончаемого потока слёз. Мальчик почувствовал себя настолько униженным и оскорблённым, что любая травма казалась пустяковой. Тереза бережно вытирала лицо сына дрожащей рукой:

– Не нужно, милый, всё наладится. Он буйный, но отходчивый, ты же знаешь...

В голову мальчика пришла мысль: «Лучше бы они меня там и убили!»

Джеки пришлось вколоть несколько доз успокоительно-го, после чего мальчик уснул. Его братья не знали о поступке отца, но догадывались, что в больнице произошло нечто ужасное. Джонни стоял, облокотившись о дверной косяк, его опущенный взгляд внимательно изучал потёртые ботинки. Вдруг он тихо произнёс:

– Ведь она и теперь смолчит, – в его голосе звучало разочарование, – мне порой кажется, что и ей на нас плевать...

Сидящие на одной кровати рядом друг с другом Джорджи и Джимми лишь обречённо опустили свои тонкие детские плечики, а Джереми постарался успокоить Джонни, тронув его за рукав старой рубахи, доставшейся ему «по наследству» от старшего брата:

– Я думаю, что она всё же даст отпор. Она нас любит, – вступился он за мать.

В ответ Джонни лишь хмыкнул:

– Посмотрим...

Джорджи бросил взгляд в окно:

– Он возвращается!

Джакомбо пришёл с работы. Он выглядел как всегда злым, а изо рта торчала дешёвая сигарета. Его рабочая одеж-

да нуждалась в чистке, а жёсткие чёрные волосы слиплись от пота.

Мальчики насторожились, стараясь даже не дышать. Они внимательно прислушивались к каждому шороху: скрипнула половица, слышались тяжёлые шаги – значит, отец пошёл в столовую, где через несколько секунд откроется дверца холодильника, звякнет бутылка с пивом и хлопнет дверца.

Обычно Тереза не трогает мужа после смены. Она молча кормит его, он, также не проронив ни одного «спасибо», берёт пиво, ожидая, когда наступит время воспитывать сыновей. Тереза тяжело вздохнула, ей было сложно начать неприятный разговор. Джакомбо почувствовал, что супруга собирается что-то сказать, но по-детски переминается с места на место. Мужчине это надоело. Он ненавидел порой мямлящий тон жены:

– Чего тебе? Я устал! – Его насмешливый тон как бы говорил ей: «Ничего у тебя не получится, слабачка!».

Женщина, сдвинув брови на своём круглом лице, начала свой монолог:

– Не смей меня игнорировать, Джакомбо. – Она скрестила руки и гордо подняла подбородок. – Джеки останется дома с семьёй. Я не позволю тебе выгнать моего сына из моего дома. – В этот момент мальчики наверху обрадованно обнимались, счастливо улыбаясь, слушая, как мама их защищает. – Это мой дом, – она сделала ударение на слове «мой», – во всех твоих бедах и несчастьях виноват только один человек

– ты. Не смей винить моих детей. Не смей угрожать и попрекать их куском хлеба, – её глаза искрились от смелости, – а если тебе не нравится, убирайся сам. Я устала. Устала от унижений и побоев. Единственное, что меня держит, дети. Мы уйдём только вместе, а ты останешься здесь, будешь зализывать свои раны и топить их в алкоголе!

– Да я тебя... – Джакомбо опешил от такой речи, он грозно надвинулся на жену, но она лишь сильнее расправила плечи.

– Ударишь? Бей. Я не боюсь тебя. – Она смотрела прямо ему в глаза. – Я любила до безумия, до беспамятства, но не тебя. Это был другой человек. – Её сочувственный тон обескуражил Джакомбо, а глаза вдруг заблестели от слез. Он увидел постаревшую, осунувшуюся жену будто бы в первый раз, и она смотрела на него как на незнакомца. – Тебя я не знаю. Ты чужой мне.

Он не смог сказать ни одного слова. Его руки сжались в кулаки, а губы неестественно побелели. В глазах мужа Тереза увидела страх и отчаяние, которые ему были несвойственны. Джакомбо вылетел из дома, бросившись прочь со двора. Он не помнил, как оказался на отшибе, где обитали лишь стаи бродячих собак. Присев на одну из коряг, он достал пачку дешёвых сигарет. Курил одну за одной. В памяти всплывали картины прошлого, но кто всё-таки прав? А кто виноват?

Глава 4

Тереза Джонсон вынесла большую корзину с грязным бельём на задний двор, где стояло жестяное корыто, наполненное горячей водой. Будни домохозяйки из низших слоев общества таковы, что большую часть суток приходится находиться в согнутом состоянии.

Спина, уже привыкшая к ежедневной работе, практически не болела, лишь понемногу калеча позвоночник. Передышка – непозволительная роскошь, ведь обеденное время не за горами – дети, муж и, быть может, что-нибудь останется для неё. Тереза старательно полоскала, тёрла, выжимала белье покрасневшими руками со скукоженной от воды кожей. Она поднимала каждую вещь вверх, смотря, не осталось ли на ней пятен, затем аккуратно развешивала на бельевых верёвках. Лёгкий ветер и солнце аккуратно подсушивали одежду, которая дожидалась следующей стадии – глажки. Рядом с Терезой крутилась Виви – девочка играла со своими игрушками и училась у мамы стирать. Девочка с большим энтузиазмом шлёпала маленькими ручками по мыльной воде, счастливо разбрасывая по двору пенные ошмётки. Вдоволь наигравшись с пенной водой, она вытерла ручки о фартук матери, спросив:

– Мама, а вы купите мне новое платье? – Её большие глаза смотрели на уставшее лицо Терезы. Дочка ещё не понимала,

что в их семье недостаточно денег на излишества.

— Нет, милая, прости, но мы не сможем этого делать, — пронизанный грустью голос Терезы выдавал её внутреннее состояние. Она, отложив на секунду бледно-жёлтую майку, вытерла руку о фартук и погладила дочку по щеке. — Может, чуть позже. А сейчас сбегай, пожалуйста, к братьям. Скажи им, что скоро наступит обед, если не хотят есть холодное, то пусть скорее заканчивают и идут домой.

Виви счастливо улыбнулась, схватив мишку за одну лапку.

— Ура! Мы идём на огород! — Её редко пускали туда из-за того, что любопытная девочка могла пораниться. — Мамочка, спасибо!

Тереза нежно улыбнулась вслед удаляющейся дочери, подумав про себя: «Как мало надо для счастья детям».

Мальчики работали на огороде — вооружившись граблями и прочими инструментами, они собирали урожай кукурузы, а сухую траву скидывали в большую плетёную корзину, которую потом следовало вынести на свалку. На улице ярко светило солнце, не было ни единого намёка на ветер или каплю дождя. Унылое чучело опустило голову, а вороны зависали над землей, будто бы воздушные змеи, почти не шевеля крыльями.

Братья работали без футболок, по их спинам струились струйки пота. Уставшие от работы пыльные лица и мокрые

волосы отражали желание поскорее оказаться в тени. Неожиданно Джорджи расставил руки, немного «похрустев косточками», улыбнулся, оглянувшись вокруг, – работа была практически выполнена. Он схватил несколько початков кукурузы и стал ими жонглировать. Ребята одобряюще улыбнулись, окружили брата, присвистывая и притопывая:

– Ещё-ещё, давай больше кукурузы!

Мальчишки смеялись, добавляя брату початки, а тот уже сосредоточенно свёл брови, чтобы успевать. Сделав шаг назад, он наткнулся на корзину. Не удержав равновесия, Джорджи упал поверх травы, а его «снаряды» с грохотом повалились на землю и самого жонглёра. Джорджи при этом жалостливо заохал:

– Ай, ой, ай! – последний початок угодил ему прямо в глаз, отчего он выругался так, как порой это делает отец. Это вызвало взрыв смеха у его братьев.

Мальчик, немного придя в себя, рассмеялся вместе с ними. Он быстро дотянулся до нескольких початков кукурузы.

– Сейчас вы у меня посмеётесь! – С этими словами он послал снаряды прямо в своих братьев. Джереми получил в плечо, а Джонни в ногу. Джимми же смог увернуться, подпрыгнув над пролетающей кукурузой. Джорджи хохотал – его спину царапали травинки, но они были мягкими. Подбежавшая Виви смотрела на эту картину широко распахнутыми глазами. Подхвативший на руки девочку Джонни спросил:

– Виви, хочешь летать?

Девочка, размахивая маленькими ручками, прокричала:

– Да!! Иииии!

Она пищала от восторга, а Джонни, подмигнув Джорджи, крикнул:

– Лови!

Джорджи вытянул руки и поймал крохотное тельце сестры. Она заливалась смехом и обнимала братьев. Повиснув на спине у одного из них, Виви как обезьянка доехала до дома.

На чёрно-белых экранах телевизоров вся страна наблюдала политиков, одетых в строгие костюмы. Они провозглашали победные лозунги в войне со Вьетнамом, что выведет их на первое место, потеснив с пьедестала почёта Советский Союз. Женщины с замиранием сердца проверяли почту: вдруг придёт злополучная повестка, за которой следует долгая разлука.

Страну начинали охватывать волнения, недовольство нарастало.

Завод, на котором трудился Джакомбо, остановил работу: рабочие объявили забастовку. Народ был возмущён этой войной – простые люди не понимали: что им делать на чужой земле? Почему их дети должны умереть в полях долины Йа-Дранг и окрестностях Сайгона. Почему матерей заставляют носить траур, зачем оставляют кровавый шрам в душе каждого, кто прикоснулся к этой войне?

Им было там плохо. Мальчишки, юношеская спесь которых часто становилась губительной, навсегда оставались лежать на поле боя. Бравые солдаты с выставленной вперёд грудью, ступая на чужую землю, говорили:

– Не бойтесь, желторотые, мы пришли! Мы спасём! Мы настоящие солдаты. – Увы, большинству из них не доведётся вновь увидеть родину, обнять маму, поцеловать отца.

Уныние, страх и негатив охватывали население всё больше, зажимая в гигантские клешни сознание каждого человека и существа. На улице, где жили Джонсоны, уже не обошлось без потерь: недобрую весть получила соседка, миссис Джарвис, которая была всегда так добра и мила. Она лишилась единственного сына – теперь её дни были наполнены горечью. Женщина ходила с каменным лицом, а при виде детей начинала причитать, простирая руки к небу:

– Боже, за что мне такое наказание? – Казалось, что всю жизнь из неё высосали, оставив лишь боль и горечь.

В этих условиях было трудно найти площадку для выступлений. Джакомбо это выводило из себя. Он усилил давление на мальчиков, заставлял их доводить каждый элемент до идеального состояния, будь то кивок головы или нота. Джакомбо не мог допустить, чтобы его группа опростоволосилась перед публикой. Мужчина с нетерпением ждал, когда отыщется любой вариант для выступления.

Такая возможность действительно вскоре представилась. Один из парней с его завода, кто собирался отдать долг роди-

не, которая когда-то его предков сюда привезла на больших кораблях в колодках, пригласил группу Джакомбо в бар, где будет выпивка и много желающих послушать хороший джаз, перед тем как улететь на войну.

Джонсон был рад, но на его лице всё так же было сложно увидеть нечто похожее на проявление эмоций. Он тут же собрал мальчиков, сорвав их с занятий. Уставшие дети лишь за полночь смогли лечь отдыхать, даже не перекусив ничего.

Мальчики теперь играли вчетвером. Джеки больше не брал в руки инструмент. После случая в больнице он всё дальше становился от отца и матери. Его трясло от злости, когда он вспоминал поступок матери, которая не смогла ничего сделать в ту секунду, когда его унижал Джакомбо. Отца мальчик давно уже привык воспринимать таким какой он есть, но мама! В его юной душе не было ответа на этот вопрос.

Он занялся учёбой, а после уроков пропадал в лавке сапожника, где зарабатывал СЕБЕ на еду! Отношения с братьями остались прежними: Джеки всегда помогал, выслушивал и поддерживал, но о музыке больше не говорил. Мальчики уважали его выбор, возможно, даже завидовали его смелости. Он вычеркнул мир музыки раз и навсегда. Его упрямое противостояние поражало. Откуда брались силы у этого мальчика 12 лет?

Джеки пропадал на работе, пока остальные собирали ин-

струменты и одевались в костюмы. В один из будних вечеров они исполняли свои любимые мелодии – ещё совсем молодые, но уже понимающие, что эти люди в форме цвета хаки не скоро услышат музыку, её заменят канонады взрывов и стоны раненых.

В приглушенном свете ламп они сегодня были не яркими, дерзкими джазменами – они играли музыку, которая была в их душе. Спокойный ритм, ритмичные переходы и мелодичное звучание. Мелодия сопереживала, поддерживала и горевала одновременно. Из Джимми вдруг вырвалось неожиданное соло – он зазвучал сильнее, мощнее, ярче остальных. Его пальцы скользили по кнопкам. Мальчик закрыл глаза и выплеснул наружу всё то, что таилось в его душе. Перед его глазами промелькнуло лицо убитой горем матери – в груди затрепетало сердце. В ушах эхом прозвучал звонкий смех сестрёнки. А вместо зала с людьми, вместо грозного отца и родных братьев Джимми очутился на лугу, полном трав и цветов, где раздаётся жужжание диких пчёл. Его ладоши ощущали прикосновение каждого лепестка, листочка дерева и порыва ветра, который нёс его всё выше и дальше. В какой-то момент он замер – опять боль переполнила его душу – он оказался у большой горы, сложенной из черепов буйволов, увидел, как загоняют слонов и истребляют тигров. Мелодия вновь приняла трагичный оборот, затихнув. Он открыл глаза – детские, но такие уже мудрые и понимающие. В них горел огонь.

После концерта за кулисами Джимми схватил за шиворот отец. Он сгрёб его за шкурку как беспомощного маленького котёнка. Мальчик поёжился от чёрного взгляда Джакомбо. Раздувая от негодования ноздри, мужчина оскалил зубы:

– Ты что вытворяешь, щенок? Кто тебе позволил делать то, что я не приказывал? – От него пахло алкоголем, Джимми поморщился.

– Ведь всем понравилось, – неуверенно проговорил мальчик. Он не понимал, в чём его вина, ведь им аплодировали.

Джакомбо грубо отпихнул мальчика в сторону, тот, ударившись о стену, схватился за руку, которую свело от боли:

– Здесь всё решаю я! Не смей мне перечить! Всё тебе дал я! Ты мне обязан!

– Ты говорил, что музыка должна идти от сердца, а не от строго написанных на бумаге нот! Если не чувствуешь – не сможешь творить.

Последовала пощечина:

– Молчать! Собирайся и иди отсюда вон! Дома я с тобой продолжу разговор.

Джимми вдруг затрясся от страха. Его побледневшие губы судорожно что-то шептали, а в глазах засияли слёзы. Он сполз на пол, закрыв лицо ладонями. Рядом послышался тяжёлый вздох, затем тонкая рука обняла его за плечи. Джимми почувствовал, как чья-то голова легла к нему на плечо:

– Я с тобой, Джимми. Вместе мы справимся. – Это был Джорджи, который видел то, что сделал отец.

Мальчики просидели так ещё несколько минут, а затем последовали домой за остальными.

Глава 5

Он стоял охваченный сиянием софитов. Перед ним простиралась ревущая толпа, которая жаждала, чтобы его выступление никогда не заканчивалось. В нём это вызвало смех – рассмеявшись прямо в микрофон, он обернулся на своих ребят:

– Ну что, парни, зажжём на небе звёзды?

Он чувствовал себя царём всего мира, которому подвластно всё на свете. Его волосы танцевали вместе с ним, а голова тряслась так, что казалось, сейчас оторвётся.

Руки музыканта срослись с инструментом, издавая уникальные пассажи, которые были чем-то новым в джазе. Когда публика ревела от его игры на саксофоне, он подходил к микрофону. Бархатный голос заполнял каждый уголок зала и человеческих душ. Мужчина, словно заправский геолог, извлекал из недр Земли голос народа, повествовал о боли, об искалеченном поколении и загубленном времени. При этом повествование о смертельных муках, страданиях и океанах слёз оказывалось пронизанным белоснежными нитями надежды, веры и любви. Он не забывал взбадривать публику танцевальным мотивом, что делало его манеру исполнения уникальной.

Отложив инструмент, лёгким движением подхватив шнур микрофона, мужчина не стеснялся танцевать с публикой.

Прищёлкивая пальцами в такт и отбивая ритм, напевал:

– Па-па-па-да-па-да-да-дам, – он закрыл глаза, чуть присев, – да-ди-да-ра-ла-па-да-да-да-ли-ла-ра-па-дам.

Они могли петь часами – после выступлений валились прямо на пол, но публика всегда видела в них чертовски энергичных парней. Завершая концерт, лидер группы, широко улыбнувшись, обращался к публике:

– Поблагодарите моих ребят за прекрасный вечер! – Он жестом указывал на своих собратьев по инструментам, которые кланялись зрителям. Люди не скупились на овации – это был праздник для всех.

После этого новый джазмен небрежно курил сигару, стряхивая пепел на пол. Его ноги, заброшенные на стол, в кожаных ботинках всё ещё отбивали ритм. Он самодовольно любовался подаренными часами от влиятельного человека, которому пришлось по душе его пение. Весь его вид говорил о том, что он прекрасно знает, как хорош. Это оказало значительное влияние на его общение с женщинами: он бессовестно и дерзко воровал их сердца, после, порой слишком жестоко, бросая на произвол судьбы.

Любая красotka могла быть нахально похищена им: мужчина не понимал и не принимал слова «нет».

Работа на заводе была тяжёлой. Большинство из рабочих рано или поздно заканчивали свою жизнь со сломанной или сорванной спиной. Не имея возможности получить хорошее

лечение, люди зачастую являлись обречёнными на жалкое существование с протянутой рукой.

Джакомбо не раз видел, как только что здоровые парни делались инвалидами. Без тени сожаления и сочувствия он говорил в таких случаях:

– Уж лучше б зашибло насмерть.

Из-за таких высказываний и горячего нрава друзей среди коллег он не завёл. Поэтому, когда после смены все, разбежавшись по группам, отдыхали, Джакомбо складывал свои инструменты, вытирал лицо засаленной тряпкой и шёл домой. По пути к дому он обязательно заходил в пару-тройку мест, чтобы обговорить выступление своих парней.

Некоторые разбирающиеся в музыке люди, оставшиеся хорошего мнения о Джакомбо, советовали:

– Твоим парням нужно записаться, – говорили они с видом больших профессионалов, – будет шанс выйти на большую сцену.

– Всегда успеем, – отвечал он, хотя в глубине души мужчина не был уверен в их успехе. Джакомбо боялся, что мальчиков ждёт та же участь, что и его. Однако внешне мужчина всегда оставался невозмутим.

Сейчас его тревожило иное: в последнее время стали часто спрашивать о Джимми.

– Быть может, этот малец сможет выступить у меня? Зачем мне остальные, если я хочу только его? И платить-то меньше.

Это совершенно не устраивало Джакомбо.

– Нет, – металлический тон мужчины пресекал эти разговоры на корню. – Они джазкоманда.

Ему навстречу неслась ребятня на велосипедах. Они весело переговаривались между собой, на чумазых лицах сияли улыбки. Он шёл мимо аккуратных дворов, обустроенных довольно уютно и по своим возможностям. У кого-то стояла небольшая ограда, из-за которой виднелась собачья будка. Пёс, устав, дремал, высунув на улицу только тонкий как прут хвост. Некоторые дворы были открыты для обзора. На верандах отдыхали отцы семейств после рабочего дня, а светлые хозяйки колдовали над ужином, стиркой, уборкой.

Подойдя к своему дому, он насторожился. Рядом стоял Додж Челленджер красного цвета. Отполированная поверхность машины сияла в лучах заката. Джакомбо поспешил домой – во дворе находился чужой мужчина среднего роста, едва достающий головой с залысинами до плеча хозяина дома. Незванный гость стоял, опираясь на трость, украшенную резьбой, и что-то говорил его приветливо улыбающейся жене. У подола матери крутилась Виви, смущенная незнакомым человеком. Незнакомец присел на корточки, что-то сказав девочке, та ещё сильнее зарылась в подол платья. Тереза увидела приближение мужа и, чуть махнув рукой, произнесла:

– А вот и Джакомбо идёт. Это так приятно, что вы посетили нас! Он будет рад встрече со старым другом! – На её лице погасла улыбка, как только она увидела реакцию мужа.

Мужчина повернулся – Джакомбо увидел его лицо. Его накрыла волна гнева: подлый грязный мерзкий предатель и подонок стоял в его дворе, говорил с его женой и дочерью. Скулы налились краской, а руки сжались в кулаки. Мысленно его враг уже лежал на земле, пачкая двор своей поганой кровью.

Незванный гость сделал вид, что не замечает всех признаков будущей драки. Он широко расставил руки, подарив ослепительную улыбку.

– Джакомбо! Старый добрый друг моей бесшабашной молодости! – в его голосе слышалась лёгкая хрипотца. В следующий миг человек оказался оторванным от земли. Джакомбо приподнял его и, глядя в глаза, прошипел:

– Пошёл вон, мерзавец! Чтобы ноги твоей не было больше здесь, – он говорил быстро, но гость уловил каждое слово, – мне плевать, зачем ты сюда притащился на своей новенькой машине, Бад, но клянусь тебе, если не уберёшь своё брюхо куда подальше, я разделаюсь с вами обоими!

Он опустил своего неприятеля на землю. Тот, поправив лацканы пиджака, спокойно поднял трость с земли.

– Джакомбо, ты такой же, как и был, буйный, резкий и несдержанный, – мужчина вальяжно улыбнулся, обратившись к Терезе, – а ты ни капли не изменилась, всё такая же красавица!

Мужчина стал между женой и Бадом. Чуть повернув голову в её сторону, приказал:

– Ступайте в дом. – Тереза послушно взяла на руки маленькую напуганную Виви и выполнила приказ мужа.

У окон чуть подрагивали занавески – это мальчишки тайком подглядывали за тем, что творится во дворе.

Проводив взглядом женщину, Бад продолжил разговор:

– Уверен, моё предложение тебе понравится! – Он легонько подмигнув, игнорируя ярость Джакомбо. – Я видел твоего парня, слышал его игру – это многообещающе! Слушай, я хочу тебе предложить сделку: отдай парня на воспитание мне, а я тебе заплачу. Он станет звездой – гарантирую, у меня чутьё на талант. Мы оба будем иметь прибыль.

– Пошёл вон, – коротко ответил Джакомбо.

– Ты не сможешь дать ему то, что могу дать я! – не выдержав, Бад перешел на повышенный тон. – Да брось, мы оба знаем, из-за чего ты так зол! Ты не способен! Ты сам сломался, а теперь хочешь по той дороге вести своих же детей! Всё-таки мы были правы, сказав, что тебе в этом мире интересно только одно – твоя собственная персона! Ты буквально купаешься в своём самолюбии!

Последовал удар. Крупный кулак мистера Джонсона разбил бровь и губу Баду, который покачнулся от удара, но смог сохранить равновесие благодаря своей трости.

– Проваливай! Убирайся прочь! Ищи в другом месте рабов!

Соседи начали проявлять внимание ко двору Джонсонов, как бы невзначай поглядывая в сторону их дома.

Бад достал из кармана платок, который приложил к разбитому лицу. Опухшая губа искривилась в ухмылке:

– Я своим рабам готов платить, а ты собственных детей в могилу сводишь. – Он не боялся гнева старого друга, попросту игнорируя его ярость. – Ты сам виноват в случившемся. Ты жалеешь себя. Заливаешь старые амбиции и несбывшиеся мечты пивом, получая удовольствие от искусных пыток.

Джакомбо подошёл к нему вплотную. Он него несло алкоголя и сигаретами. Бад видел его оскаленные зубы, чувствовал горячее дыхание:

– Вы меня предали и бросили на произвол судьбы, оставив гнить в этом месте, зализывать свои раны, пока сами купаетесь в роскоши, – его глаза метали молнии, он грубо толкнул Бада. – Убирайся и больше не смей касаться меня и всего того, что принадлежит мне, – иначе я тебя убью.

Он пошёл в дом, не оборачиваясь на Бада. Лишь только когда тот завёл машину и начал отъезжать от двора, Джакомбо обернулся, посмотрев вслед своему прошлому.

Зайдя в дом, он тут же ошетинился от того, как перед ним закрутилась Тереза:

– Что случилось? Почему вы дрались? Ты ранен?

Его бесил её тон – он, резко отстранив её, заговорил:

– Пошла вон! Где мой ужин! Я пришёл с работы – хочу жрать! – металлическая чеканка слов сразу же напоминала, кто в этом доме хозяин и по чьим правилам тут живут.

Сидя на продавленном диване, Джакомбо размышлял, а

не был ли прав Бад, быть может, правда стоит заняться
вплотную Джимми.

Глава 6

Первое, что почувствовал Джакомбо, – головную боль, которая сверлила виски, била по затылку и давила на лоб. Он, не понимая, что происходит, попытался пошевелиться. Ощувив острую боль каждой клеточкой своего тела, он подумал: «Чем сильнее болит голова с утра, тем отвязнее провёл ночь. Что это, чёрт возьми, за пищащая байда?!»

В голове возник образ красотки в красном атласном платье и в перчатках длиной до локтя такого же цвета. Тонкие пальцы держали плоскую сумочку прямоугольной формы. На стройных ногах туфли-лодочки с острыми носами. В ушах сияли жемчужные клипсы, которые гармонировали с жемчужным колье на шее. Вечерний макияж девушки состоял из чётко прорисованных стрелок, аккуратно нанесенных теней, подрисованных бровей, густо накрашенных ресниц и ярко выделенных губ. Её лицо, как было тогда модным, напоминало кукольное. Волосы девушки спускались с плеч маленькими кудряшками, что добавляло в её образ «кукольности». Она кокетливо улыбалась, потягивая коктейль через соломинку.

Моргнув, словно переключив канал телевизора, Джакомбо переместился в другое воспоминание: он стоял на улице вместе со своими ребятами. Они громко смеялись, их растёгнутые рубашки обнажали волосатые торсы. Его приятель

Декстер, облизав губы, сказал:

– И не надейся, она уйдёт со мной.

Джакомбо в ответ на это громко рассмеялся и, похлопав по плечу Декстера, произнёс:

– Не надейся, приятель!

Он втянул в себя табачный дым и выдохнул его в лицо бедному Декстеру, а пока тот откашливался вперемешку с руганью, Джакомбо выхватили из компании друзей. Это оказался один из репортёров местной газеты, который захотел узнать подробнее об их коллективе.

Мужчина вальяжно улыбнулся, чуть ухмыльнувшись, сделал смелое заявление:

– Да, я самый крутой! Группа без меня ничто! Я её воздух, я её жизнь! Не станет меня, не станет и этих парней! – Он рассмеялся и, обернувшись, похлопал по плечу пианиста Стива. – Но я их не брошу! Я люблю этих чертей!

Веселье набирало обороты. Кто-то из парней сказал, что девушку забирает тот, кто будет по праву считаться лучшим гонщиком. Лица уже казались размытыми, а голоса сливались в один, но вечер только начинался. Он не помнил, как на столе оказались ключи, и чья небрежная рука их бросила на него со словами:

– Кто за меньшее время сделает круг вокруг нашего клуба, тот и пойдёт с девушкой. – Ключи от «Кадиллака» с плавниками призывно поблескивали, – Ну что? Не трусили?

Подначивающие голоса звучали со всех сторон. Джаком-

бо не мог разобраться, откуда они доносятся: говорят ли это люди или его собственный внутренний голос настаивает на риске.

– Я тебя сделаю, Декс, – Джакомбо подмигнул.

Парни в обнимку, чтобы не упасть из-за заплетающихся ног, добрались до машин. Их сопровождала любопытная публика, пытаясь затуманенными взглядами различить хоть что-то.

– Это тебе, старина Комбо, – весело сказал Декс, вручая бутылку виски, – как бы ни сложилось, мы всё равно команда!

– Ха! Выпьем её, когда будем отмечать мою победу! – хотел Джакомбо, усаживая на соседнее место большую бутылку виски, затем он хлопнул дверцей автомобиля, завёл мотор. Рев машины резко оборвался, завизжали шины, послышался звук ломающегося железа. Джакомбо проглотила тьма, не удосужившись даже как следует прожевать, отыгнув жалкие остатки бывшего величия в бездну.

Так он оказался на больничной койке, увешанный какими-то проводами. Его раздирало желание сорвать это всё с себя, но Джакомбо не слушались руки. Музыкант со страхом осознал, что его пальцы потеряли чувствительность. Попытка приоткрыть глаза не увенчалась успехом – ничто в его теле больше не подчинялось ему. «Это бунт души, это крик сердца, это уже не мы, и нам некуда деться» – иро-

нично всплыла в голове одна из строк его песен. Сосредоточившись, Джакомбо пытался собрать все кусочки паззла: он помнил лишь яркие всполохи фар и звук медицинских аппаратов. В беспамятстве мужчина пробыл несколько дней. Воспоминания вернулись резко – ударив с такой силой, что его пришлось привязать к кровати. В буйной обессиливающей ярости Джакомбо пытался встать и кричал как раненый медведь в лесу.

Он ждал своих парней – врачи сказали, что они не появлялись тут.

– К вам приходила только одна девушка, назвалась вашей женой, – пояснил врач, увидев, как скривился Джакомбо, тут же прекратил этот разговор.

Отсутствие визитов парней не обидело музыканта. «Знают черти, что я их убью, если не будут репетировать», – подумал он, уверенный в своих правах на группу. В день, когда пришли его коллеги, Джакомбо уже было позволено вставать. Обняв его по очереди, ребята затихли. В палате повисла тяжёлая пауза. «Их что-то тревожит, – подумал Джакомбо, – неужели сорвался контракт?!». Он внимательно осмотрел их с ног до головы: Стив нервно потирал руки, а Декстер то и дело ерошил свои волосы, и без того растрёпанные. Бад держался отстранённо. На его лице было что-то, напоминающее то ли улыбку поддержки, то ли жалости.

– Декс, ты ведь не распилил ту бутылку без меня? – Джакомбо улыбнулся, точнее, попытался это сделать. Декстер чуть

приподнял уголки губ в ответ, но промолчал. – Принеси её завтра сюда! В больничной палате мы с вами ещё не куролесили! – Парни продолжали молчать, переминаясь с места на место, это начинало раздражать. – Когда снова выступаем?

Они переглянулись между собой. Бад сел на край больничной кушетки. Остальные оперлись о стены.

– Джакомбо, – начал он, – понимаешь, мы все знаем, что значит для тебя музыка, – после каждого слова он делал паузу, которая накаляла обстановку, – но больше ты не являешься частью группы, играть ты не сможешь – нереально восстановиться, а нам поступило выгодное предложение... прости.

– Что? – прошептали бледные губы.

Весь мир Джакомбо Джонсона перевернулся с ног на голову. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, а ещё ослабленные руки налились яростной силой. Глаза мужчины потухли и тут же загорелись чёрным гневом, от которого по коже у музыкантов замаршировали мурашки.

– Твоя часть гонора покрыла лечение, и за машину не переживай – это пустяки, – Бад попытался его успокоить. – Ты найдёшь чем себя занять!

Джакомбо словно впал в оцепенение: до его, ещё не совсем восстановившегося сознания начинал постепенно доходить смысл сказанных слов. Остальные ребята выслушали всё сказанное Бадом, опустив голову. Сейчас, увидев как тяжело их бывшему солисту, решили проявить сострадание:

– Прости, брат.

Джакомбо резко дёрнул рукой – это доставило ему адскую боль, которую он не заметил.

– Что? – повторно прошептал он. Джакомбо попытался податься вперёд, но мужчину тут же пронзила острая боль, подобная сотням кинжалов. Джакомбо не сдержал крика.

– Не вставай, – музыканты неожиданно всполошились, кинувшись проявлять заботу. Три пары рук пытались удержать его в постели. – Сейчас мы позовём врача!

– Предатели! Мерзавцы! Проваливайте со своим врачом в..! – этот вопль был похож на рёв раненого животного, – вы ничего без меня не стоите! Это мои песни! Это моя музыка! Я не отдам!

Бад покачал головой, на его лице вдруг возникло сожаление, из-под которого просачивалась радость.

– Прости, друг, так вышло. Раньше ты был баловнем судьбы, теперь мы, – они не искали нужных слов, чтобы облегчить удар, – эти песни не были записаны на тебя. Ведь ты говорил, что мы команда, одно целое, так что ничего у тебя не выйдет.

– Нам очень жаль, – произнёс Стив, его голос был по-настоящему грустным, – но нам надо идти дальше. Мы не можем ждать.

– Прости, парень, – Декстер хотел ещё что-то сказать, но слова застряли в его горле.

Джакомбо посмотрел на него – он ненавидел их всем своим существом.

– А когда-то я делился с тобой последней кукурузной лепёшкой, а моя мать называла тебя вторым сыном, – произнёс он, видя, как в глазах Декса засверкали слёзы, – что ж, иди дальше, переступив через мой труп.

Декстер молча вышел из больничной палаты. Как только закрылась дверь, Джакомбо издал рёв, вслед за которым слышались стоны и всхлипы – мужчина плакал от своего бессилия. В его уши затекали слёзы, а в голове он прокручивал все свои выступления. Теперь всё это осталось в прошлом.

Выйдя из больницы, он оказался на улице – его группа стёрла все упоминания о нём. Они сделали всё с такой педантичностью, что едва можно было сказать, что Джакомбо Джонсон когда-то существовал как музыкант. Джакомбо остался без гроша – в разорванной одежде и прохудившимися ботинками. Никто больше не вспомнит о Джакомбо Джонсоне, только лишь какой-то журналист напишет саркастическую заметку о великом и незаменимом гении.

Он направился в дом на окраине города, где жила давно брошенная им его жена с детьми. Они поженились в самом начале карьеры Джакомбо – Тереза была далека от его мира и поэтому быстро перестала интересоваться молодым мужчиной. Джакомбо почти не навещал её, не скрывая того, что у него полно поклонниц, которые готовы падать к его ногам.

Тереза встретила его сдержанно. В её тёмных глазах не было того обожания, в каком он прежде купался. На руках

у женщины Джакомбо увидел маленького мальчика – своего сына Джереми. Она была беременна вторым ребёнком, о чём говорил её округлившийся живот.

– Зачем ты пришёл? – спросила женщина, но не услышала ни ответа на свой вопрос, ни извинений.

Он лишь сказал:

– Мы будем жить вместе. Я устроюсь на работу и покажу всему миру, что они слишком рано списали со счетов Джакомбо Джонсона. – В его голосе появился металл, а глаза стали иссиня-чёрными.

Тереза покорно приняла все правила мужа. Она родила ему пятерых детей, которые тоже оказались под гнётом его не воплощённых в жизнь амбиций.

Джакомбо отогнал от себя плохие мысли. Он стоял на веранде, докуривая дешёвые сигареты, к которым давно привык. Выкинув окурки, он посмотрел на жалкие дома бедняков, харкнул на ступеньки и пошёл в дом, где улёгся на постель со скрипящими пружинами и крепко уснул.

Тем временем, озираясь по сторонам, в дом через окно проскользнул Джереми. Он аккуратно разделся, сложил вещи в ровную стопку и забрался под тонкое покрывало. Лёгкая дрожь от морозной простыни прошла, и мальчик, удобно устроившись в постели, погрузился в сон.

Все слышали, что брат уходил, видели, как он вернулся, но никто не решился задать вопрос, где он был, что делал.

Они лежали, представляя, как их Джереми надевает маску непобедимого Зорро и ведёт борьбу со злом. Мальчишкам чудились отважные сражения, нескончаемый поток приключений и рыцарской славы. С этими приятными фантазиями они уснули.

Поутру Джимми, пробежав по холодному полу босыми ногами, плюхнулся в кровать рядом со старшим братом. Прильнув к тёплому плечу Джереми, он дотянулся до его уха, спросив:

– Где ты был ночью? – Джереми моментально пробудился от подобного вопроса. Он услышал, как его кровать окружили – любопытные глаза смотрели на него, ожидая ответа. Джимми, желая разговорить брата, поспешил заверить: – Мы никому не скажем!

Его большие искренние глаза, в которых было столько жажды приключений и волшебства, прорвали оборону таинственности Джереми. Остальные уже были готовы слушать его историю, удобно устроившись рядом с ним: Джеки улёгся прямо на его ноги, Джонни опирался на спинку кровати руками, а Джорджи устроился рядом с Джимми. Они все разочарованно вздохнули, когда услышали:

– Я вам позже всё расскажу! – Он лёгким толчком заставил братьев подняться с его кровати. – Эй, сейчас я кого-то стащу отсюда за ногу! – возмутился парень, видя, что младшие братья не собираются сдавать позиции.

– Ха! Попробуй, нас больше! – засмеялся Джеки, он кру-

тился по всей кровати, спасаясь от рук Джереми, которые пытались схватить его за ноги и стащить на пол. – Все на Джера! – последовала весёлая команда Джеки.

Джимми запрыгнул брату на спину – его ноги болтались, пытаясь обвить его за талию, а руки цепко держались за плечи.

– Да я вас сейчас всех раскидаю по углам! – весело негодовал Джереми, когда в него полетели подушки. Мальчики хохотали, визг веселья разнёсся по всем углам дома – Тереза тут же поднялась наверх.

– Мальчики! Прекратите это безобразие – отец услышит и накажет вас за хулиганство, – строго сказала она. – Прибегите здесь и ступайте завтракать.

Глава 7

– Мальчики, вы куда? – детский голосок, любопытные глаза и уголки губ, опустившиеся вниз, заставили братьев задержаться дома.

– Виви, мы скоро вернёмся, – сказал Джеки, погладив сестричку по голове, а затем и плюшевого мишку, – ты пока что поиграй с этим красавцем, а мы скоро придём. А ещё совсем скоро я тебе сделаю новые башмачки.

Девочке не понравилась идея оставаться самой, но всё же она отпустила братьев, собрав со всех поцелуи для себя и мишки.

Джереми вёл их на окраину – здесь было много заброшенных, разрушенных домов. В некоторых из этих развалюх пытались существовать люди, они занавешивали дырявыми тряпками оконные проёмы, вместо двери использовали кусок жести или сколоченные вместе доски.

Мальчиков коробил этот вид – в душу врывалась тоска, которая тревожила и угнетала изнутри. Наконец Джереми остановился со словами:

– Мы пришли.

Мальчики разинули рты от удивления:

– Вот это да!

– Где ты его нашёл?

– Когда?

– И ты его от нас скрывал?!

– Тише! – прищелкнул на них старший брат, – всё внутри! – Он перепрыгнул через покосившуюся калитку. Это был давно забытый всеми дом.

Он утонул в кронах деревьев. Массивные ветви не стесняясь лежали на крыше. Высокая трава могла скрыть стоящего во весь рост человека. Казалось, дом пустовал не один десяток лет. От неухоженности и от отсутствия в его стенах жизни дом завалился на одну сторону, будто бы согнулся от боли в животе.

Дом представлял собой пыльный мешок изнутри. Пыль, грязь и прочие загрязнения заполнили это строение. В углах сустились трудолюбивые пауки, неустанно ткущие смертельно красивое кружево, которое так сильно манит невинных крылатых милашек.

Очутившись посреди хлипких досок пола, покосившихся стен, они переглянулись между собой: куда завёл их брат? Виднелись зелёные островки мха на стенах, большие щели пропускали солнечные лучи. Мальчики восприняли находку как захватывающее путешествие с опасными приключениями.

– Я слышал, что здесь водятся призраки, – сказал Джонни устрашающе таинственным тоном, надеясь напугать младших братьев.

Джорджи, округлив глаза, испуганно зашептал:

– Джонни, кажется, ты прав! Я что-то чувствую... – он

схватил Джонни за руку и сильно сжал, потом так же резко её отпустил, – о нет! Меня захватило приведение, – он схватил с пола кусок пыльной мешковины и набросил её себе на голову, – я в его власти! Джонни, спаси! – он ломал голос, делая его хрипящим, – ууууууууу! – Его руки на ощупь пытались найти брата, который возвёл глаза к небу с мыслью: «Дети!», а тем временем нашёлся и второй кусок ткани для Джеки. Они вдвоём шагали, выставив руки вперёд:

– Джонни, мы здесь! Мы нашли тебя! Мы заберём тебя с собой! – Тот от них отмахивался:

– Дурачьё! Вы теперь все в пыли!

Джимми, громко рассмеявшись, запрыгнул на деревянный ящик – шаткие деревяшки треснули, но мальчик устоял, сделав несколько движений руками, что напоминало танец. Выставив грудь вперёд и, подняв подбородок, он громогласно заявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.